

СЕРГЕЙ РЫБАКОВ

кандидат исторических наук

ЭНЕРГИЯ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Течение русской истории во многом было определено принятием Русью Православия. Сразу же после крещения стала распространяться книжная грамотность. Уже при Владимире Святославовиче были созданы первые школы в Киеве и Новгороде, а Ярослав Мудрый организовал первую библиотеку при Софийском соборе в Киеве, ставшую важнейшим очагом книжности. Во второй половине XI века крупным культурно-образовательным центром стал Киево-Печерский монастырь, в котором появились первые русские литературные произведения, было развёрнуто летописание, имевшее исключительное значение для формирования общерусского культурно-этнического сознания. На Русь в немалых количествах стали привозить книги из Болгарии и Сербии, написанные по-старославянски и не требовавшие специальных переводов на русский язык, ибо в то время всем было ясно, что «славянский язык и русский – одно есть», как засвидетельствовала «Повесть временных лет». Много книг поступало также из Византии, они переводились, а затем переписывались и распространялись.

Приобщение русичей к книжной грамотности было для них подобно чуду. Это и было чудо духовного преображения. По словам древнерусских летописцев, «сбылось пророчество на Русской земле, глаголющее: в дни оны услышат глухие слова книжные, и ясен будет язык гугнивых». Поэтично описал то время летописец Нестор: «Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Ярослав же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учению внимая книжному. Велика ведь бывает польза от учения книжного; книгами мы наставляемы и поучаемы, от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь – реки, напоющие вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся».

Появление центров, распространявших историческую грамотность, стало одним из ключевых условий для консолидации древнерусской народности, для её культурного развития, для формирования традиций, позднее закрепившихся в культуре трёх братских народов – русского, украинского и белорусского. Период христианизации Руси характеризовался подъёмом во всех сферах общественного бытия, был героическим временем в жизни восточных славян, временем формирования и расцвета яркой культуры древнерусской народности. Этой культуре был чужд исторический пессимизм, она была наполнена жизнеутверждающим духом, была обращена к будущему.

Период обучения русских людей у своих православных собратьев из славянских стран и Византии был непродолжительным. Прошло полвека после крещения Руси, и русская земля подарила миру литературный шедевр киевского митрополита Илариона – «Слово о Законе и Благодати». Это литературно-философское творение, выдающееся по художественным достоинствам, содержательной глубине и филигранному стилю, вошедшее в мировую сокровищницу художественного слова. Оно было наполнено особым оптимизмом.

В этом первом из дошедших до нас самостоятельном произведении русского автора речь идёт о смысле истории вообще и русской истории в частности, о месте Руси во всемирной истории, об исторической роли русского народа, его духовном статусе. Иларион положил начало письменной истории русского самосознания.

Вместе с тем “Слово” Илариона явилось своевременным откликом на общественную потребность в консолидирующей идеологии. Оно было написано в эпоху, когда многочисленные племена, населявшие Русскую равнину, под влиянием Православия начали сливаться в единую культурно-этническую общность. Распространение среди восточных славян православных понятий и представлений и послужило рождению русского национального самосознания.

Православие колоссально раздвинуло исторические горизонты жителей Русской равнины. Христианское просвещение и “книжная мудрость” позволили им “обнаружить” себя внутри потока исторического времени, ибо приобщение к христианству было одновременно и приобщением к новозаветной истории. Евангелие давало восточным славянам и их ближайшим соседям, финно-угорским племенам, целевые и смысловые установки, служило “уставом жизни”. Не утрачивая этнических корней, они выходили на новый, более высокий уровень исторического творчества.

Приобщаясь к Православию, вчерашние язычники вырабатывали новую, “благодатную” формулу государственно-общественной жизни. Это обновлённое мировосприятие и выразил Иларион в своем литературном шедевре, проводя мысль, что новая вера воскресила русский народ: “Вера благодатная по всей земле простёрлась и до нашего народа русского дошла. Похвала государю нашему Владимиру, им мы крещены были. ... И уже не идолослужителями зовёмся, но христианами. Послал Господь и к нам заповеди, ведущие в жизнь вечную. ... Помиловал нас Бог – и воссиял и в нас свет разума”. Мудрый книжник воспел историческое бытие Руси, раскрывшееся во всей полноте под воздействием “веры благодатной”. Увидев и зеркально отразив в “Слове” важные перемены в народном сознании, митрополит Иларион своим произведением способствовал их закреплению. Закономерно, что он вошёл в историю символом пробуждения русского национального сознания. Иларион был одним из самых глубоких мыслителей своей эпохи. Летописи характеризуют его как высокообразованного и мудрого человека, “мужа книжного”. Значение личности Илариона Киевского в отечественной истории и высокую оценку его вклада в русскую культуру вряд ли кто-то возьмётся пересматривать и поныне.

Написанное по-русски, “Слово” получило на Руси широкую популярность, стало своеобразным манифестом русского Православия. Иларион Киевский выступил как талантливый литератор, проповедник, политик. Но главный его талант выразился в том, что он первым из русских людей создал стройную концепцию истории. Создал – не значит изобрёл. Иларион был продолжателем кирилло-мефодьевских традиций, теснейшим образом связавших Православие с развитием культуры и образования. Православие завоёвывало души русских людей именно в кирилло-мефодьевском варианте. В их сознании оно противостояло идолопоклонству точно так же, как культура противостоит невежеству. Неразрывная связь Православия с культурной проблематикой являлась для русских христиан знаком его подлинности. Такое понимание Православия на столетия вперёд определило самосознание русского народа.

Глубина идей Илариона была определена самой темой его произведения. Сравнение “Закона” и “Благодати”, то есть Ветхого завета и Нового завета, высвечивало мировоззренческую разницу этих двух частей Библии. Произведение Илариона и посвящено тому, чтобы отделить новозаветное понимание бытия от ветхозаветного, утвердить православный взгляд на человеческую историю. Свой литературный дар Иларион использовал, чтобы раскрыть превосходство “Благодати” над “Законом”: “И уже не теснится человечество под ярмом Закона, а под кровом Благодати свободно ходит”. Он противопоставил “Благодать” “Закоу” как торжество свободы – рабству духа и плоти, познание истины – заблуждению, радость бытия – страхам и неуверенности перед жизнью. “Закон”, по убеждению Илариона, нацеливал его adeptов на эгоистичное самоутверждение, в то время как “Благодать” направляет помыслы на “спасение души”, на человечность, милосердие, солидарность.

После принятия новой веры восточные славяне стали воспринимать Русское государство “обителью богохранимого народа”. При всей притягательности такого устроения оно не порождало чувства собственной исключительности. Русские христиане не хотели ни в чем ущемлять народы, с которыми жили бок о бок, ибо, по словам Илариона, “вся наша земля восславилась Христу с Отцом и со Святым Духом”. Православные традиции были ориентированы на свободное развитие всех, кто населял Русское государство. Все живущие здесь народности сохраняли право на самобытность, одновременно с этим входя в единую соборную общность. Объединительные начала на Руси держались на православной заповеди человеколюбия, а не на идее “чистоты крови”.

Иларион проводил границу между ветхозаветной и новозаветной частями Библии как границу между “страхом” и “любовью”. Взгляд Илариона на мир отражал новозаветные идеи, в которых нет мотивов скепсиса и недоверия к миру. Новозаветный Бог – сила благая, светлая, милосердная. Это – не гневный и свирепый Яхве, перед лицом которого люди – рабы и ничтожества. По Илариону, крещение “впускает в вечную жизнь”, даёт возможность перейти от “страха Божия” к “благодатной любви”. Иларион писал: “Как отошёл свет луны, когда солнце воссияло, так и Закон – перед Благодатью явившейся. И стужа ночная побеждена, солнечное тепло землю согрело”. Метафорой, противопоставившей “солнечное тепло” “стуже ночной”, писатель подчёркивал свою приверженность светлоте, жизнеутверждающему началу, своё неприятие гностических, антисистемных импульсов. “Слово” воспело “жизнь нетленную”, “неизмеримое человеколюбие” и “единое веселье небесное и земное”. Весь текст “Слова” пропитан стихией солнечного света, не совместимой с законнической, формальной, фарисейской религиозностью.

Илариону было мало провозгласить истину, её необходимо было ещё и утвердить. Его “Слово” сыграло важнейшую роль в формировании духовного климата в древнерусском обществе. Большой знаток древнерусской культуры А. М. Панченко писал: “По Илариону, на смену дряхлеющим народам приходят народы юные, у которых всё впереди. . . Основываясь на постулате “крещение есть спасение”, современники Владимира и их потомки избавлялись от страха смерти и загробного наказания (“историзм” избавлял их от страха перед существованием земным). Иларион назвал пребывавших в язычестве земляков “безнадёжниками”. Христианство принесло с собою надежду, “упование”, ставшие мощным цивилизационным импульсом”. По характеристике А. М. Панченко, “домонгольская Русь смотрела на мир с улыбкой, пребывала в состоянии нравственного здоровья и не впадала в смертный грех отчаяния”.

Религиозный опыт всегда был полем столкновения различных влияний и субъективных предпочтений. Средневековое христианство не являлось исключением: в мироощущении части верующих и представителей клира проникали мотивы формального благочестия и “мраколюбия”, что объяснялось влиянием на сознание части христиан ветхозаветного законничества. Это влияние особенно сказывалось в той части христианского мира, которая опекалась Римской церковью. Между восточной и западной половинами христианского мира нарастали спорные моменты. В значительной степени они фокусировались на отношении к Ветхому завету. Латиняне обвиняли Константинополь в североанстве – недостаточном внимании к Ветхому завету, если не в его отрицании.

Отношение к Ветхому завету на Западе и на Востоке и в самом деле было различным. На Западе Ветхий завет почитался как собрание правовых норм, как оправдание прагматических устремлений и иерархичности. На Востоке, в “Законе”, говоря языком Илариона, видели лишь “предуготовление к Благодати”.

Утвердив православную трактовку понятия “божественное”, Иларион тем самым выступил активным участником идейной полемики между восточной и западной ветвями христианства, которая достигла своего пика как раз во времена написания Иларионом “Слова”, о чём свидетельствует хотя бы сопоставление двух дат: Иларион возглавил Русскую митрополию в 1051 году, а в 1054 году произошёл окончательный раскол христианства на православие и католицизм.

Для Илариона как выразителя православного мировосприятия бытие было наполнено божественной музыкой, светом, радостью, свободой, благодарью. Иларионовское мировосприятие сильно отличалось от католического клерикального фанатизма, было далеко от попыток средневекового Ватикана утвердить за папами роль “непогрешимой совести истории”... В устах понтификов и кардиналов имя Бога использовалось как инструмент насилия и тирании над другими, как средство удовлетворения эгоистических наклонностей католического клира. У католического Бога был “отобран” дар благодатного отцовства, ему был навязан устрашающий авторитет, окутанный невысказанной, непостижимой метафизической тайной. Исказив идею благодатного отцовства, паписты встали на путь принудительного воспитания не только своей паствы, но и целых народов, едва ли понимая, что силовой стиль воздействия на “воспитанников” способен либо духовно исколечить их, либо спровоцировать на отчаянное сопротивление “воспитателям”.

Вирус фарисейства в католицизме проявился в узкоюридическом понимании “спасения душ”, в изобретении индульгенций, в учении о чистилище, в деятельности инквизиции. Русское Православие долгое время было свободно от фарисейского формализма, от “мраколюбия”, от пессимизма. Русская православная церковь вплоть до XVIII века боролась за сохранение иларионовских традиций, хотя ей приходилось испытывать постоянное давление западных влияний, которые, в конце концов, восторжествовали в синодальный период.

Иларион, в отличие от латинян, был уверен, что высшие силы благорасположены к человечеству. Обращаясь в своей “Молитве” к Богу с просьбой “научить людей творить Его волю”, он добавлял: “Ведь Ты Бог наш, и мы люди Твои, Твоя часть, Твоё достояние. ... Если возрадваш каждому по делам, то кто спасётся?”. Иларион говорил: “Все мы уклонились... нет ни единого из нас, подвизающегося и ревнующего о небесном, но все пекутся о земном”. Он призывал Бога проявить “терпение и даже долготерпение”, иначе от него могут отпасть слабые в вере: “В меру наказывай, но безмерно милуй. ... всем утешение даруй, всех возрадуй, подавая им радость и телесную, и душевную!”. Для православных людей принятие радости от полноты жизни — это и есть встреча с Богом, его благодатное познание, стяжание Духа Святого. Иларион отразил дух своего времени, когда православное мировосприятие было окрашено в светлые, радостные тона, не отрицало земных благ, не связывалось со строгой аскезой.

История Илариону виделась ареной, где сталкиваются истина и ложь, нравственные идеалы и бездушные шаблоны. “Благодать” он напрямую отождествлял с истиной, многократно ставя рядом эти понятия: “Прежде Закон, потом она, Благодать. Прежде лишь тень, потом — Истина”; “Лепо Благодарити и Истине на новых людей воссиять!”. Истина у Илариона — символ просвещения и духовного преобразования Руси, залог надёжных перспектив, очищенных от “лжи идольской”. Он подчёркивал безнравственность ограничений в просвещении народов, отвергал навязывание догматических предписаний, воспевал разум и духовную свободу. Свободное познание истины, по Илариону, помогает преодолевать дискомфорт слепого предопределения, служит источником исторического оптимизма. Иларион хотел бы видеть в своих соотечественниках людей, свободных от уз формализма и законничества, просвещённых, способных к сознательному историческому творчеству. Он на практике осуществлял принципы кирилло-мефодьевского Православия, нацеленные на развитие книжной культуры и приобщение к ней самых широких масс людей.

Кирилл и Мефодий не только создали славянскую азбуку, но впервые систематизировали на славянском языке философские категории, обеспечив духовный взлёт славянской культуры в период раннего средневековья. Солунские братья проповедовали идею соединения веры с разумом, поскольку вера для них означала, прежде всего, уверенность в наличии истины. Кирилл Философ призывал искать истину с помощью разума: “Огонь искушает золото и серебро, а человек умом отсекает ложь от истины”. Из этого тезиса вытекала установка на приобретение знаний, на овладение “письмом”, на развитие науки, литературы, философии. С этим тезисом связана защита Кириллом и Мефодием национального богослужения и отстаивание права народов на развитие

собственной письменности. Братья-просветители считали, что к Богу ближе тот, кто более просвещён. Один из главных векторов исторического движения они видели в восхождении человечества от невежества к богатствам знания.

Кирилл и Мефодий не принимали утилитарных шаблонов западной церкви, в качестве официального церковного языка насаждавшей мёртвую латынь и запрещавшей употребление в литургии и церковной письменности любых других языков, за исключением еврейского и греческого. Католики, в свою очередь, обвиняли Кирилла и Мефодия в “ереси”, препятствующей установлению вселенского господства римской церкви. Кирилл Философ отвечал им на эти обвинения: “Не на всех ли равно от Бога проливается дождь? Или солнце не так же сияет на всех одинаково? И не одним ли воздухом дышим мы все? И как это вы не стыдитесь, выделяя только три языка, а прочие народы и племена обрекая на слепоту и глухоту? Скажите мне: если рассуждать по-вашему, то не выходит ли, что Бог либо немощен и не может дать письмо всем народам, либо же просто завистлив и не хочет этого?”. Вдохновенные проповеди Кирилла в защиту права людей и народов на приобщение к достижениям культуры находили безусловную поддержку у русских книжников, и в первую очередь – у Илариона.

По Илариону, пространство исторического творчества должно быть освобождено от формальных регламентаций и предрассудков ложной избранности: перед лицом Бога социальные статусы теряют значение, а познанная истина уравнивает всех – “малых и великих, рабов и свободных, юных и старых, бояр и простых, богатых и убогих”. Эта сторона христианства по-особому ценилась на Руси, выражаясь понятиями “правда” и “справедливость”. Поэтому-то Иларион и назвал князя Владимира Святославича, крестившего Русь, “другом правде, вместилищем смысла, гнездом милости”. Ведя в своём произведении речь о преображающей роли Православия, Иларион не мог не воздать хвалу Владимиру Крестителю: “И воссиял разум в сердце его, как разуметь суету идольской лести. . . И совлёк с себя каган наш, вместе с ризами, ветхого человека, сложил тленное, стряхнул прах неверия”. Для Илариона было важно, что Владимир крестил Русь, воспользовавшись свободой выбора.

Иларион ощущал историю как движение духовных и нравственных ценностей, создающее смысловой рисунок истории. Иларионом это движение представлялось поступательным – как по содержанию, так и по форме: “Не вливают ведь, по слову Господню, вина нового учения благодетельного в мехи ветхие”. Однако при этом писатель не отвергал идею исторической преемственности. Хотя он и проводил отчётливую грань между языческой и христианской эпохами, но не рассматривал дохристианский период русской истории как ненужный или бесполезный. Напротив, он героизировал дохристианскую Русь, славя ратные достижения предков. Этим он, во-первых, подчёркивал значение прошлого для настоящего, показывая, что прошлое не уходит в небытие, а органически вырастает в настоящее; во-вторых, иллюстрировал, что Русь, вливаясь после крещения в поток мировой истории, имела собственное героическое прошлое, насыщенное яркими событиями.

Вспоминая “старого Игоря и славного Святослава”, Иларион высказал гордость за их успехи в укреплении русской государственности: “Те в лета своего владычества мужеством и храбростью прославились в странах многих, и победами, и крепостью поминаются ныне и прославляются. Ибо не в худой и неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли”. Иларион предстаёт державником: несмотря на то, что Игорь и Святослав были язычниками, он воспел их доблесть и заслуги в отстаивании независимости страны.

На Руси после её крещения тотального негативизма в отношении к дохристианскому прошлому не было, поскольку природе Православия чужд униформизм католического типа. Православие в его кирилло-мефодьевской и иларионовской “редакции” было открыто навстречу бытийному многообразию, “полноте жизни”. Мировоззренческая платформа Православия не ориентировала на жёсткое отрицание всего, что связывалось с язычеством, с любовью к природе, к матери земле. Католицизм же, напротив, всячески принижал природную материю. В сочинениях католических схоластов природа подвергалась прямо враждебным выпадам: “Разве не природа сопрягла в человеческом лице с мерзкой грязью дыхание жизни?” В язычниках католические мис-

сионеры видели только отсталых дикарей и вели себя по отношению к ним высокомерно и назидательно.

Видный русский философ А. С. Панарин отмечал, что в “вопросе о языческом наследии” Православие заметно разошлось с западным христианством, которое “задало программу отчуждения животворящего космоса – замещения его мёртвой, механической материей”. Православие же “оказалось значительно мудрее и основательнее в отношении к тому, что способен был завещать языческий космоцентричный эрос. ... Православная мировоззренческая система не низводила материю до мировой механистической субстанции, над которой парит презирающий и чурающийся её дух. В язычестве Православие взяло то, что сегодня обладает статусом спасительного наследия, – материю как живую субстанцию, которая не антипод духа, а его постоянное подспорье. ... Творческая радость, сопутствующая творению, становится достоянием людей, читающих книгу Божественного космоса как захватывающее художественное произведение”.

Перед духовным взором Илариона история была именно “художественным произведением”, представлялась неразрывной связью времён, единством прошлого, настоящего и будущего. Историософский оптимизм Илариона был напрямую связан с верой в большое историческое предназначение Руси.

Русь в “Слове” мыслится оплотом противостояния силам, олицетворявшим зло, ненависть, небытие. Представляя столицу Руси, “славный град Киев, величеством, как венцом, увенчанный”, в качестве духовного преемника Константинополя – “нового Иерусалима”, – Иларион, по сути дела, предвосхитил идею Святой Руси как сакральной территории, защищаемой от вторжения сил зла.

В умонастроениях Илариона отразился его патриотизм. Не случайно он стал первым митрополитом из русских. Ярослав Мудрый, содействуя возведению Илариона на митрополию, делал своеобразную “заявку” на независимость русской церкви от Византии. Под такой “заявкой” находилось твёрдое основание, ибо христианство, соединясь на русской почве с глубинными архетипами сознания восточных славян, получало новое качество, переживало определённую трансформацию, становясь русским Православием. Это отражало определённые закономерности культурно-исторического процесса: каждый народ, воспринимая чужое, заботится в первую очередь о совершенствовании собственной традиции.

В то же время, говоря о патриотизме Илариона и его расположенности к организационной самостоятельности Русской Церкви, было бы неверным сводить его позицию к непримиримому антивизантизму. В. В. Кожин, много внимания уделивший культурной специфике Древней Руси, обоснованно протестовал против того, что “гениальное “Слово о Законе и Благодати” с XIX века и до нашего времени пытаются толковать как якобы противовизантийское по своей основной цели и смыслу выступление”. Подобное истолкование В. В. Кожин назвал “поистине нелепым”, объяснив его тем, что в советский период в отечественную историографию проникло презрительное и высокомерное отношение ко всему византийскому. Это проникновение совершалось благодаря литературе, в которой превалировало западническое видение мировой истории, связанное с отрицанием положительного исторического опыта Византии. Такое отрицание вполне объяснимо: во времена средневековья католический Запад жёстко соперничал с православной Византией.

Разумеется, Иларион не мог быть безоглядным противником Византии – хотя бы потому, что не разделял мировоззренческих установок католицизма. Он высоко ценил православную культуру Византии, её роль в распространении Православия среди разных народов, в том числе и среди славян.

“Слово о Законе и Благодати” служило мировоззренческим ориентиром для многих поколений русских летописцев и книжников. Знаки несомненного влияния “Слова” отыскиваются в лучших образцах древнерусской литературы.

Развитие и книжной грамотности, и литературы на Руси было прочно связано с земными, реальными заботами людей – строительством городов, монастырей, оборонительных линий, освоением новых пространств, защитой страны от внешних врагов, переживанием последствий стихийных бедствий. Но люди не желали становиться пленниками повседневной рутины. Для избавления от неё им и нужна была литература, с помощью религиозных и этических идеалов освящавшая их заботы особым смыслом, сопряжённым с ощущением

“участия в книге жизни” (Откр. 22:19). Литература учила любви к родной земле, воспитывала в людях стойкость и умение переносить лишения, направляла их внимание на исправление недостатков общества. Она концентрировала исторический опыт Руси, превращала его в культурное достояние народа.

Едва выйдя на самостоятельную дорогу, русская литература должна была искать и находить ответы на сложные вопросы, возникшие в силу перекосов политического развития – страна вступала в период государственной раздробленности и княжеских усобиц. Древнерусские книжники не желали приспособляться к текущей политической конъюнктуре, отстаивая в своём творчестве высокие нравственные ценности. Они выступали поборниками русского единства, политическому сепаратизму отдельных князей противопоставляя православное мировоззрение, нацеливавшее людей не на разделение, а на соборную солидарность, на консолидацию, на защиту общерусских интересов в борьбе против внешних врагов.

Русская литература изначально несла в себе дух патриотизма, любви к своей земле. В её освещении патриотизм не ограничивался банальной “привязанностью к месту”, принимал сакральный смысл, на практике подразумевающий готовность к подвигу и самопожертвованию ради отчизны. Героические мотивы задавали тональность многим литературным произведениям.

Древнерусские писатели опирались на традицию, заложенную митрополитом Иларионом, выступали его преемниками в развитии русской художественной мысли. Жизнеутверждающая тональность, отличавшая “Слово о Законе и Благодати”, была присуща также литературным сочинениям Климента Смолятича, Кирилла Туровского, Владимира Мономаха и других писателей.

Ближайшим продолжателем иларионовской традиции выступил Климент Смолятич. Лексика и тональность его произведений во многом заимствованы из “Слова о Законе и Благодати”. В обширном “Послании пресвитеру Фоме” середины XII века Смолятич напрямую апеллировал к иларионовскому тексту: “Благодать упразднила Завет и Закон. Когда воссияло солнце, то есть ли нужда всему миру пребывать во мгле? Лучше подобает ему осветиться пресветлыми лучами”. Продолжая историкофилософскую линию Илариона, Климент нацеливал своих читателей на постижение “премудрости”, подразумевавшее, с одной стороны, задачу “тщательно вникать в Божественные писания”, с другой – знание античного культурного наследия в лице “Гомера, и Аристотеля, и Платона”. Подобно Илариону, Климент зарекомендовал себя противником религиозного формализма, утверждая: “...ничто не скверно, кроме греха. ...сподвижники Христовы с дерзновением об этом поведали, не находя никакой мнимой хулы в отношении плоти и поучая об этом”.

Идейное созвучие с Иларионом отражалось и в практической деятельности Климента. Он был представителем так называемой “русской партии”, борющейся с засильем в русской церкви греческих иерархов, потому и стал вторым на Руси (после Илариона Киевского) митрополитом из русичей. Климент был избран митрополитом на соборе русских епископов без санкции Константинополя и при покровительстве киевского князя Изяслава Мстиславовича. Изяслав не желал принимать митрополитов из Константинополя. Известны его слова о том, что “от одного митрополитов посвящения чинятся напрасно великие убытки, а паче всего чрез сию власть патриархов на Руси цари греческие ищут над нами властвовать и повелевать, что противно нашей чести и пользы”.

Идейным наследником Илариона являлся также Кирилл Туровский, современник Климента Смолятича, знаменитый проповедник, автор многих поучений и торжественных молитв. Как высокохудожественный гимн мудрому мироустройству, отмеченному благодатью, читаются слова Кирилла: “Тебе, человек, вся тварь в услужение создана. Небо и земля тебе служат: то влагой, а эта плодами. Ради тебя солнце светит и греет, а луна со звёздами ночь освещает! Для тебя облака дождём землю поят, и земля в службу тебе возвращает всякую траву семенную и дерево плодовитое!”. Мироощущение мудреца из Турова было проникнуто подлинным, неформальным человеколюбием. Для него вполне понятной была мысль о том, что человек и есть цель истории. При этом Кирилл подчёркивал, что только душа и дух делают человека человеком: “Тело без души называется не человек, а труп”.

Поэтическая и глубоко человеческая тональность была присуща и созданному в конце XI века “Поучению своим чадам” Владимира Мономаха. Князь-пи-

сатель обращался к Богу с такими словами: “Велик ты, Господи, и чудны дела твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса твои. Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как луна, или как звёзды, и тьма, и свет... И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица... каждый имеет свой облик лица, по Божьей мудрости”. В этих словах ясно высвечивается принятие князем православного принципа полноты бытия.

Мономах, соглашаясь с иларионовской традицией, отдавал предпочтение мажорному, светлому началу. Он напоминал: “Разумеете, что человеколюбец Бог милостив и премилостив”. Князь не принимал жёсткого аскетизма и был убеждён, что для “спасения души” христианину достаточно “очищаться” покаянием и не забывать про дела милосердия: “...не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божью... милостыню творя неоскудну, ибо это есть начаток всякому добру”. “Поучение” Владимира Мономаха свидетельствует о том, что смысловым стержнем древнерусской литературы являлись православные ценности, связанные с человеколюбием.

Значительное влияние на древнерусскую общественную мысль оказали “Изборники”, созданные в 70-х годах XI века. Это были своего рода энциклопедии, ориентированные на то, чтобы дать читателям исчерпывающее знание по основным богословским и мировоззренческим проблемам. “Изборники” в Древней Руси воспринимались как “собрания мудрости”, в них выдержки из сочинений раннехристианских мыслителей соседствовали с отрывками из античной литературы, в частности, излагались философские категории Аристотеля. В “Изборниках” давались сведения по истории, поэзии, математике, летоисчислению, медицине, минералогии. Помимо этого, в них содержались выдержки из сочинений представителей ранней патристики. Популярность “Изборников” означала, что Русь видела себя прямой преемницей раннего христианства, не замутнённого сторонними, в том числе и гностическими, влияниями, которые к тому времени начали сказываться в странах Западной Европы и даже в Византии. Обращение к “Изборникам” помогало русским людям сохранять в неприкосновенности свой ментальный суверенитет.

Христианство, предстающее со страниц “Изборников”, ассоциируется с благоговейным отношением к книжному слову, к письменности. Вера в “Изборниках” понимается не как слепой фанатизм, а как принятие правды, то есть нравственных законов: “...кто не глаголет правды, тот не есть суда истинного”. В то время вера приравнивалась к адекватности, к соответствию действительности, не противопоставлялась знанию. При этом в культуре Киевской Руси проводилась идея о том, что знание не может существовать в отрыве от нравственности. Система просвещения и воспитания ориентировала русичей не на многознание, а на мудрость, понимаемую как сочетание целомудрия, правды и доблести. Мудрость олицетворяла собой не столько познавательный, сколько нравственно-этический идеал, без которого осмысленная жизнедеятельность невозможна.

Древнерусское Православие было пропитано поклонением мудрости Софии, о чём свидетельствовало строительство в XI веке Софийских соборов в Киеве, Новгороде, Полоцке. Храмы, посвященные Софии-мудрости, призваны были служить материальным воплощением культа книги и знания, свойственного культуре Киевского периода. София, под покровительством которой находились Киев и Древнерусское государство, символизировала политическое и культурное равенство Киевской Руси с остальным миром, а также прочность государства и гарантию его великого будущего.

Иларионовский, “софийный” вариант Православия был на Руси преобладающим. Но были и другие варианты. Мистико-аскетические построения византийского монашества на Руси отразились в аскетической “печерской идеологии”, не вполне разделявшей оптимистической настрой “софийного” Православия. При этом контрастной, “черно-белой” оппозиции во взаимоотношениях двух тенденций не было. Иларионовский дух оставался устойчиво определяющим.

Вождём аскетической идеологии был Феодосий Печерский – писатель, проповедник и аскет. Характерно, что даже он с его приверженностью крайним формам аскетизма не был вполне чужд “софийскому” духу, о чём свидетельствует обличение им католиков за формализм в вероисповедании: “Вы же мёртвые и мёртвому жертву приносите, а мы живому Богу живую жертву приносим: чистую, непорочную, и жизнь вечную тем обретём”.

“Живую” веру Феодосий, так же как и другие русские писатели, связывал с милосердием и человеколюбием, не разделяя при этом людей по религиозному или этническому признакам. В “Послании к киевскому князю Изяславу Ярославичу о вере христианской и латинской” Феодосий призывал князя: “Если увидишь раздетого или голодного, или холодом, или бедою одержимого, будь то иудей, или сарацин, или болгарин, или еретик, или латинянин, или язычник – всякого помилуй и от беды избавь”. Феодосий был аскетом, но одновременно с этим – противником фарисейства и ветхозаветного законничества.

Струя, связанная с неприятием фарисейства и формализма, в древнерусской литературе была весьма заметной. Например, писатель XI века Иаков Мних, развенчивая формальную религиозность, рассуждал: “Многие святые праведники не сотворили чудес, но святыми являются. Сказал ведь некогда об этом святой Иоанн Златоуст: “От чего узнаем и разумеем святого человека – от чудес или дел?”. И сказал: “От дел узнаем, а не от чудес” – много ведь и волхвы чудес сотворили бесовским образом”.

Антиформализм являлся ведущим мотивом древнерусских произведений, направленных против католицизма. Среди них выделялись уже упомянутое “Послание о вере христианской и латинской” Феодосия Печерского и “Стязание с латиной” митрополита Киевского Георгия. Феодосий призывал “к вере латинской не приобщаться, обычаев их не держать, причастия их избегать и норова их гнушаться”. А Георгий, памфлет которого получил широкое распространение на Руси, называл католицизм “прелестью немецкой, зловерием и ересью великой”, которой “поддались нестойкие и впали в различные многочисленные заблуждения”, главным из которых явилось уклонение в ветхозаветное фарисейство, выраженное в том, что католики признают Евангелие лишь внешне, формально: “не живут они так, как оно велит”.

В русле иларионовской традиции вписывалось и знаменитое “Слово о полку Игореве” – произведение, посвященное неудачному походу в половецкую степь в 1185 году новгород-северского князя Игоря Святославича и написанное вскоре после этого события. Этот литературный памятник в истории русского национального сознания сыграл, без сомнения, особо выдающуюся роль, во все исторические эпохи оставаясь живым явлением русской литературы.

В “Слове о полку Игореве” древнеславянские архетипы мировосприятия гармонично сочетаются с государственной мыслью. Автор “Слова” призвал к русскому единству, выразив острое неприятие раздробленности. Мышление древнерусского поэта не замыкалось в причинно-следственных рамках, в хаосе земной суеты. В круговерть человеческих удач и неудач он впустил высшую силу в виде духовно-нравственного идеала.

Страстный патриотизм “Слова” сочетался с трезвым и мужественным взглядом на ход русской истории. “Слово” – по-своему трагическое произведение, оно посвящено военной неудаче князя Игоря и его войска. Трагичен и весь контекст того времени, обусловленный крушением русского единства и распрями князей. В то же время в тексте “Слова” есть второй смысловой план, выразивший исторический оптимизм: картины печального настоящего окрашены светом героического прошлого и надеждой на лучшее будущее. Произведение свободно от фаталистических настроений, все плюсы и минусы исторического развития автор связал с действиями людей, с их социальной активностью и нравственной позицией.

Важной характеристикой “Слова” явилась антиэлитарность, выражением которой стало мощное фольклорное начало. Близость древнерусского литературного шедевра к народной культуре была показателем заключённого в нём православного духа.

Неприятие псевдоэлитарности, ложной “избранности”, высокомерия и чванства явилось одним из самых сильных мотивов древнерусской литературы. Она воспроизводила дух раннего христианства, представлявшего собой

антиэлитарное движение с сильными нестяжательными мотивами. На Руси нестяжательство было характерно как для носителей аскетической “печерской идеологии”, так и для выразителей иларионовской традиции. В литературных произведениях нестяжательство, как правило, приобретало социальную окраску.

Древнерусские писатели отнюдь не выглядели “прислужниками феодальной знати”, зачастую обращаясь к литературному творчеству как к возможности обличать социальные пороки общества, проповедовать справедливость в людских отношениях, оказывать этическое воздействие на обладателей власти и богатства. Показательно афористичное “Наставление богатым”, обращенное непосредственно к социальным верхам Киевского государства и включенное в “Изборник” 1076 года, популярный среди русских людей в течение нескольких веков. Нравственный смысл “Наставления” не изменился до наших дней: “Только тогда наречётся кто-либо истинным властелином, когда сам собою научится владеть и не будет слугой страстей непристойных. ... Таким будь со своими слугами, каким молишь Бога быть с тобою. ... Не оправдывай виновного, даже если он и друг тебе, и не обижай правого, даже если он и враг тебе”.

В “Изборнике” 1076 года содержится мысль о том, что великокняжеская власть должна определять свою политику исходя из интересов простого народа и действовать, опираясь на его силы. Составитель “Изборника” монах Иоанн говорил о необходимости пожертвований в пользу неимущих, облегчения бремени налогов, ограничения самоуправства бояр.

Афористичные формулы, касавшиеся темы власти, содержались и в сборнике “Пчела”, получившем на Руси широкое хождение с XII века: “Принимающему большую власть подobaет иметь и большой ум”, “Несправедливо и горько, когда злые над добрыми властвуют и бессмысленные над умными” и т. п.

К учёту интересов “простой чади”, к защите социально ущемлённых призывал Владимир Мономах: “Не давайте сильным погубить человека”. Для Мономаха принцип добра смыкался с заботой о благе подданных, а потому этот принцип принимал не только моральное, но и социально-политическое значение.

Задумываться о социальных проблемах Мономаха заставляли сами обстоятельства его вхождения на великокняжеский стол. Вот как они описаны в Ипатьевской летописи: “...устроили киевляне совет, послали к Владимиру, говоря: “Пойди, князь, на стол отчий и дедов”. ... Владимир же не пошёл. Киевляне же разграбили двор Путяты тысяцкого, напали на евреев, разграбили их имущество. И послали вновь киевляне к Владимиру, говоря: “Пойди, князь, в Киев; если же не пойдёшь, то знай, что много зла произойдёт, не только Путятин двор или сотских, но и евреев пограбят, а ещё нападут на невестку твою, и на бояр, и на монастыри, и будешь ты ответ держать, князь, если разграбят и монастыри”. Услышав это, Владимир пошёл в Киев”.

Летопись отразила события, связанные с народным восстанием в Киеве, вспыхнувшим в 1113 году против местной знати и приезжих ростовщиков, за счёт высокого ссудного процента поставивших множество киевлян в долговую зависимость от себя. Владимир Мономах, выбранный населением Киева на княжение, должен был учитывать его настроения и не допускать перекосов в социальных отношениях. По приказу Мономаха все иностранцы были удалены из Киева, а те бояре, которые были связаны с ними финансовыми отношениями, лишились привилегий. На протяжении всего княжения Владимир Мономах старался не допустить ущемления интересов “простой чади”. Такую же политику проводил его сын Мстислав. Оба они пользовались огромным авторитетом в народе.

Своеобразно рассуждал на тему власти и богатства Даниил Заточник, один из самых ярких древнерусских писателей. Он писал в своём “Молении”, составленном в конце XII века: “Очи мудрого во главе, а безумного аки во тме ходят. Муж мудр смысленным друг, а несмысленным недруг. ... Лучше нам терпеть прещения мудрых, нежели советы безумных”. Размышления Даниила напрямую затрагивали социальную проблематику. Но при этом они были лишены абстрактного схематизма, столь характерного для социологии новейшего времени. Заточник проводил идею изначального, “от сотворения”, равенства людей, он стремился видеть человека не с внешней стороны, а с точки зрения его сущности.

Православным сознанием улавливалось присутствие в истории особой логики, отражающей действие нравственных законов. Русскими людьми усваивалась религиозно-нравственная идея, согласно которой смыслом человеческой жизни является “спасение души”. Эта идея пропитывала весь строй народной жизни, воздействовала на поведенческие нормы. Разумеется, на Руси жили не одни праведники, и стерильное благочестие отнюдь не являлось всеобщим идеалом. Однако представление о мироустройстве и об истории как аренах борьбы добра и зла становилось устойчивым. Этим категориям придавался глубинный жизненный смысл: добро ассоциировалось с жизнеутверждением, а зло – со скатыванием в небытие. Приверженность православных русичей жизнеутверждающим ценностям оказывалась действующим фактором русской истории.

Такая приверженность находила отражение в тех пластах лексики, которые несли этическую нагрузку и которыми после крещения Руси стал пополняться строй народной речи. Некоторые этические понятия приобретали сакральный ранг и становились универсальным критерием для оценки прошлого и настоящего. Одним из таких понятий стало слово “правда”. Оно ассоциировалось по смыслу с понятиями “истина” и “справедливость”. Тесная связь между правдой, истиной, справедливостью и жизнью, судьбой людей, социальных групп и всего народа приобретала на Руси особую смысловую значимость.

Принятие христианской веры для русичей означало вступление на “путь правды”. Слово “правда” воплощало народное понимание христианского идеала: подлинных христиан называли “праведными”, “праведниками”. Понятие “праведный” вбирало в себя широкий диапазон смыслов: “истинный”, “верный”, “безобманный”, “должный”, “справедливый”, “добродетельный”, “безгрешный”, “священный” и т. д. Русским христианам не нужна была свобода без справедливости, а существование – без истины, без правды. Подобные умонастроения нашли своё выражение и в государственном строительстве: первый общерусский свод законов, созданный Ярославом Мудрым, был назван “Русской правдой”. Ярослав понимал: содержание важнее формы, дух важнее буквы.

Понятие “правда”, помимо собственно нравственно-этического смысла, имело на Руси и историософский оттенок. Этот факт легко подтверждается древнерусскими летописями, в которых понятие “правда” обильно использовалось. Например, Лаврентьевская летопись весь ход исторического движения ставила в прямую зависимость от наличия или отсутствия правды среди того или иного народа: “Бог дает власть кому хочет, ибо поставляет князя и царя свыше: если какая-то земля оправдывается перед Богом – поставляет ей праведного князя, любящего правду. Если князья правдивые бывают, то много согрешений прощается той земле”. В этой же летописи приводятся слова Александра Невского, произнесённые перед битвой с иноземными интервентами: “Не в силе Бог, а в правде”. В них заключается суть православного отношения к жизни. В Православии русичи видели не набор догм, а “учение о правде”.

На Руси укоренялось понимание того, что отказ от нравственных устоев в масштабах общества влечёт за собой потрясения и катаклизмы. Этот взгляд убедительно подкреплялся уроками из реальной исторической практики. К нравственному обновлению призывал русских людей в своих поучениях Серапион, епископ Владимирский, видевший в таком обновлении реальную возможность изменить ход истории и исправить бедственное положение, которое сложилось на Руси после Батыева погрома.

Во времена Серапиона удельная раздробленность и иноземное нашествие поставили страну перед необходимостью глубоко осмыслить появившийся у неё “опыт катастроф”, выбрать такую историческую стратегию, которая обеспечила бы бережение народа, помогла бы не допустить новых тяжёлых провалов. Идея государственного единства жила в общественном сознании со времён “Слова о полку Игореве”, но князья с трудом преодолевали психологические барьеры на пути к централизации, а поведение масс было инертным.

На первых порах переработка “опыта катастроф” стала делом православной церкви. Серапион Владимирский, один из её наиболее мудрых представителей, стремясь показать истинные масштабы случившейся со страной катастрофы, обращался к соотечественникам: “Не пленена ли земля наша? Не покорены ли города наши? Давно ли пали отцы и братья наши мёртвыми на

землю? Не уведены ли женщины и дети наши в плен? Не порабощены ли оставшиеся горькой неволей от иноплеменных? ... Сёла наши сорняками поросли, и величие наше умерилось, красота наша погибла, богатство наше другим на пользу пошло, созданное нами поганые наследовали. ... Страдания и муки, дани тяжкие и на нас не заканчиваются...".

Но, говоря о масштабах последствий Батыева погрома, Серапион не собирался впасть в отчаяние, напротив – он призвал народ к духовному бодрствованию: "Молю вас, братья, узрите сердечным взором дела ваши. Прибегните к покаянию – и гнев Божий прекратится, казнимы будут томящие нас, в радости поживём на земле нашей".

Серапион видел нравственное оскудение Руси после погрома и хотел добиться духовного очищения и обновления народа. Такая цель имела глубоко патриотичный смысл. Своими выступлениями Серапион способствовал возрождению народа в тяжёлое для него время, чётко понимая, что без нравственного преображения народ не сможет обеспечить достойную перспективу для своей страны.

Жителям Руси было вполне понятно, что исторические перспективы сплетаются из поведения отдельных людей, а значит, невозможно учесть и просчитать заранее все возможные комбинации взаимодействия личных волей. "Неизвестен и завтрашний день и, добавлю, сегодняшний, – пишет монах князю, – и над ними не властны мы". Но отсюда и следовала вся важность соблюдения нравственных законов, без которых будущее оказывалось ещё более непредсказуемым и даже лишается смысла: "Слово без смысла не на пользу слышащим, лишь слово, подтверждённое делом, становится достойным веры".

Именно критерии нравственности формировали взгляды русских грамотников на ход русской общественной жизни, позволяли им осваивать исторический опыт. Древнерусские писатели не подвергали сомнению возможность морально-этического выбора, имеющуюся у каждого человека. Им было ясно, что такой выбор расцветивает бытие, внося в него творческие импульсы, не позволяя жизни людей превращаться в бездушно-механическое существование. Призыв к соотечественникам соблюдать заповеди мотивировался не фатальным страхом перед будущим, а осознанием того, что решающая роль в истории всегда остаётся за человеческим выбором. Эти представления были отражением традиционного для Руси "софийного" Православия.

На Руси оно воспринималось не столько как конфессия, сколько как широкий культурный феномен, определявший своеобразие и самобытность русского народа. Защита русского Православия от духовной агрессии являлась лейтмотивом многих литературных памятников, в частности – посвященных Куликовской битве. В поэтических повестях "Задонщина" и "Сказание о Мамаевом побоище" патриотический долг русских людей раскрывался как готовность "не пощадить живота своего за святые церкви, за землю Русскую и веру крестьянскую".

Из текста "Задонщины" хорошо видно, что защита Православия от полчищ Мамаия воспринималась на Руси и как религиозный долг русских людей, и как общенародное, общеполитическое дело. Под знамёнами московского князя собралось воинство из всех русских земель, к тому времени ещё не объединённых в рамках единого централизованного государства. Показательно, что написавший "Задонщину" рязанский священник Софроний, несмотря на его принадлежность к Рязанскому княжеству, соперничавшему с Москвой, поддержал общерусское дело и воспел победу на Куликовом поле.

К моменту Куликовской битвы Русь была готова на подвиг ради сохранения своих духовных ценностей, ради создания мощной православной державы под главенством московских князей. И важнейшую роль в вызревании такой готовности сыграли древнерусские писатели, призывавшие своих земляков к духовному преображению и учившие их мужеству, без которого решение больших исторических задач было бы невозможным.